

К.Н.Нургали

*Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана***Мотив пути в казахстанской прозе XX века**

В статье рассматриваются исторические романы Казахстана, посвященные уходящей истории XX века, а также проблемам, стоящим перед современным обществом сегодня. Автор всесторонне исследует мотив Родины и мотив дороги в авторской позиции и концепции М.Симашко и А.Алимжанова сквозь призму истории цивилизации Востока и идеи евразийской культуры. Вместе с тем автор исследует труды российских и казахстанских ученых, посвященных проблеме мотива дороги.

Ключевые слова: исторические романы Казахстана, проблемы, современное общество, мотив Родины, мотив дороги, авторская позиция, концепция, история цивилизации Востока, евразийская культура.

Жанровое многообразие казахской прозы весьма значительно — от романа до рассказа. Тематика произведений самая различная — от далекой истории до современных будней; заметно преобладание исторической тематики. «В казахской литературе начала 70-х годов, после приобретенных завоеваний в художественном сознании личности, как средоточия общественных проблем в жанре панорамного романа, появилась потребность изобразить не сами исторические изменения, а их следствия: как они преломляются в психологии человека... Казахские писатели 70–80-х годов все больше изображают личность «в своем кругу», но с выходом в проблемы общечеловеческие: человек и время, человек и обстоятельства» [1; 332].

Н.Ровенский, проследивая творчество А.Алимжанова, анализирует то, как он начинает писать об истории Востока: «Из каждой поездки он привозил новые произведения. Сначала это были точные зарисовки интересных событий и человеческих типов, путевые очерки об архитектурных памятниках и социальных противоречиях современной Европы. Но за пестротой наблюдений и впечатлений у Алимжанова постепенно нарастал интерес к истории Востока» [2; 52]. После посещения стран Европы, Азии и Африки писатель обратил свой взор к Азии. Какие страсти пронеслись над утомленным зноем просторами, какие социальные трагедии разыгрывала история? Как возникали книги Авиценны и овеванная нежной печалью гробница Тадж-Махал? Почему сохранился мертвый город Фатехпур и навсегда исчез полный жизни Отрар?

Пытаясь ответить на эти вопросы, А.Алимжанов становится исследователем, дополняя свидетельства старых книг собственными наблюдениями и выводами. Он ведет своего читателя в страну знаний, истории и древности. Определяющим в его прозе становится концепт пути, Дорога людей. «От проблем самоопределения Ануар Алимжанов переходит к проблеме соотношения Истины и Веры, Воли и Силы, Силы и Разума и другим вековечным вопросам, которые, в конечном счете, приводят к проблеме возникновения Космоса и Хаоса и возвращения разрушенного Космоса в первоначальный Хаос. В кругу этих вопросов стоит вопрос о месте художника, его долге, обязанности перед современниками и потомками» [3; 184].

Прошлое в его книгах воскресает, пробуждается силою хорошо «поставленного» исторического воображения. Н.Ровенский находит точный поэтический образ: «Следы ушедших по старым дорогам «укрыты пылью веков. Но их можно оживить в своем воображении и попробовать пройти по ним», бережно снимая покрывало с тех далеких дней, как влажный ветер в полдень снимает сонливость со старого цветка». Здесь сформулирован творческий принцип Алимжанова: бережно вскрывать покровы времени.

Мотив пути, дороги занимает ведущее место и в творческом наследии М.Симашко: «В широком смысле этот назначенный человечеству путь проходит через все страны и народы. Безразлично где — на Кубе, на Ближнем и Среднем Востоке, на площади в Душанбе или в Российском парламенте — происходит выбор между прошлым и будущим. Пойдут или нет караваны по этому пути?» [4; 57].

В пути показан Омар Хайям — повесть «Хадж Хайяма», само название которой символизирует пространственную характеристику. Показан рост героя, его развитие. Тот же самый принцип был применен в романе «Колокол», в названии которого использован вечный символ. Рост самосознания Ибрая Алтынсарина, движение героя вверх, ведущего своих земляков к выходу из окоема, к новой жизни, — в основе повествования. В пути находится летописец Авраам («Маздак»), великая Семира-

мида — Екатерина Вторая также изображена писателем в процессе ее взросления — от юной Каролинхен до императрицы Российской (роман «Семирамида»). Правительница престола Российского все время в движении. Если в начале романа она путешествует с матерью, то в конце произведения она объезжает свои законные владения, вспоминая свою первую и единственную любовь и прощаясь с нею.

В названии публицистической книги «Дорога на Святую землю» слово «дорога» является, несомненно, ключевым. Если использовать все чаще применяемый в литературоведении термин «метатекст» (самосознание текста), то будет ясно, что, сознательно или подсознательно создавая единый текст, М.Симашко определяет его главную, внутреннюю тему — тему дороги, пути. Причем это характеризует и его романы, и повести, а не только публицистику. Что же касается жанров произведений, вошедших в последнюю книгу, то мы встречаем в ней документальную повесть и публицистические новеллы. Обратим внимание на их названия: «Великий Шелковый путь, или Анабазис с иностранцами» (здесь дважды встречается слово «путь», поскольку «анабазис» в переводе с греческого языка — путь в глубь страны), «Великая Хазария», «Прообраз Евразии и искушения Президента», «Путь через экватор», «Дорога на Святую землю (Антисемиты и Божья Матерь)».

Как видно, «только при первом обращении внимания на заглавия слова «путь» и «дорога» являются центральными. Но они также проходят лейтмотивом через само повествование. Такие компоненты поэтики, как заглавия, жанровые признаки в подзаголовках, фабульно-сюжетные метаэлементы (лейтмотивы, финалы) несут в себе заряд метатекста. Проблема автора и автобиографической памяти является объединяющей» [5; 246].

Мотивы дороги и родины — центральные в творчестве А.Алимжанова и М.Симашко. «Как же быть тогда с исторической родиной? — размышляет писатель в «Дороге на Святую землю». — Формально в Израиле я не считаюсь евреем, ибо по древней, еще родоплеменной традиции национальная принадлежность там устанавливается по матери. А в Германии не считался бы немцем, поскольку национальность там значится по отцу. Кто же я тогда перед лицом Господа? [4; 124]. И чуть ниже он отвечает на самим же поставленный вопрос: «Русский писатель».

М.Симашко в документальной повести «Великий Шелковый путь, или Анабазис с иностранцами» высказывает свою точку зрения на проблему восточных и западных культур и цивилизаций, совпадающую со взглядами А.Алимжанова и Ч.Айтматова: «Начиная с античности и раннего средневековья здесь (на территории Центральной Азии) сталкивались в конфликтном противоборстве римская и степная, тюркская и иранская, арабская и китайская цивилизации. При этом с геополитической точки зрения этот регион всегда выступал предметом завоеваний как «промежуточный пояс», «буферная», «серединная» зона, которая предохраняла бы от непосредственного соприкосновения». Древний этический кодекс идущих по Шелковому пути заключался, по мнению М.М.Ауэзова, в следующих строках: «Ты ничего не сможешь ни купить, ни продать, ни приобрести, если не будешь открыт для других».

В творчестве А.Алимжанова представлены все эпические жанры: роман, повесть, рассказ, очерк. В повести «Сувенир из Отрара» он показывает Индию не экзотическую, а трагическую — средневековый мир со звездочетами и колдунами, астрологами и странствующими святыми. Султану Акбару — одному из Великих Моголов, господствовавших в Северной Индии, понадобилось в честь очередной из своих побед построить новую столицу, которая не уступала бы по архитектуре, блеску и роскоши лучшим столицам мира. Город возведен, но жители его покидают, задыхаясь от жажды и жары. Таков сюжет повести. Фатехпур мертв. Так, «размышляя о прошлом, устанавливая связь времен и народов, их духовную преемственность, писатель помогает нам услышать предостерегающие голоса истории».

В то же время А.Алимжанов избегает навязчиво-назидательного тона, но остается выразителем своего времени. Это умело отмечает Н.Ровенский, потому что писатель увидел не только вечные художественные ценности, но и социальное неравенство. Быт просто иллюстрируется: невообразимая нищета и невообразимая роскошь. От Индии писатель переходит к раздумьям о прошлом Казахстана. «Сувенир из Отрара» захватывает яркими картинками прошлого, переключкой времен, ощущением исторических связей в народных и человеческих судьбах. Восхищаясь памятниками Индии, герой повести... думает о древних городах Средней Азии, об Отраре, ждущем своего исследователя. Серебряная монета из Отрара, которую бережно хранил герой во время поездки по Индии, случайно была унесена нищим. Многозначительная деталь. Может быть, богатая история степей так же вот незаметно тратится и расхищается по мелочам?» [2; 55].

Но не со всем в повести А.Алимжанова согласен критик. Сравнение истории с амфорой, звучащее из уст главного героя Жомарта («Зачем я стараюсь собрать воедино осколки старой амфоры — истории. Первозданная четкость к ней все равно не вернется, правду истории трудно восстановить»), кажется надуманным и красивым: «У истории никогда не было столь мягких античных очертаний, да еще первозданных...».

О трагедии гениального поэта Рудаки, ослепленного за слова правды шахом Бухары, о его стихах и вечной славе идет речь в поэтическом очерке «Трон Рудаки». Автор очерка повествует о земле таджиков, о садах, взращенных на срубках гигантских скал, о героической истории народа, живущего на берегах древнего Согда. Алимжанову удалось передать «величие, аромат и прохладу горных цепей и ущелий Памира, благоговейную, мудрую тишину мавзолея Рудаки». Алимжанову подвластно все: образ легендарного поэта в блеске романтики и современного рисовода. Может быть, не совсем удачно название очерка — «Сказание о пахаре» (со словом «сказание» обычно связывается нечто летописно-бесстрастное, отдаленное во времени), но автор «стремился передать эпический смысл человеческого труда, мудрую любовь к земле, романтику доброты». Такие точные слова находит Н.Ровенский для характеристики своего друга — казахского писателя А.Алимжанова.

В каждом факте прошлого и настоящего, в каждом камне старых городов А.Алимжанов «умеет точно рассмотреть отражение человеческих судеб и страстей. Он восхищается, размышляет, горюет, волнуется и нас увлекает своим волнением. «О, если бы стены могли говорить, если бы на камнях площади остались следы от казней, и сохранилось эхо предсмертных стихов поэтов! Об этом городе писали немало. Но никто не рассказал о судьбе его безымянных создателей. Все восхищаются лишь его величием. Но можно ли называть великим город, построенный на костях, город, который, не успев родиться, пожрал своих создателей?» [2; 56].

Кое-где встречаются расхожие штампы («дорога черна от запекшейся крови», «город, пропитанный кровью» и т.п.), иногда патетика слишком увлекает автора, и он перестает ощущать конкретность материала. Н.Ровенский верен себе. Как критик, он не может пройти мимо красотостей: «сказочно красивые здания», мир сказок Шахерезады, «великая равнина... словно уходит в сказочный сон»). Но не это главное.

Чтобы показать своеобразие стиля А.Алимжанова, критик сравнивает его произведения с «Повестями красных песков» М.Симашко, отмечая своеобразие подхода писателей: «Если А.Алимжанов показывает, так сказать, синтез, обобщение зла, то М.Симашко исследует, обнажает душевный механизм деспота». Оба прозаика пишут о враждебности деспотизма человеческой личности. «Жажда власти убивает мораль, — размышляет критик далее. — У деспота не бывает друзей, он уничтожает своих соратников, чтобы они не привыкли к нему и не возмнили бы себя равными ему. Уместно вспомнить гениально точные слова В.Г.Белинского: «Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая — властолюбие. Можно, наверное, сказать, что ни одна страсть не стоила человечеству столько страданий и крови, как властолюбие» [2; 56]. Н.Ровенский-критик постоянно сверял свои оценки с основными положениями статей великого русского литературного критика В.Г.Белинского. Он учился у критика XIX в., находя много ценного и поистине бессмертного в его суждениях, что пережило время.

Главные герои произведений А.Алимжанова и М.Симашко стремятся к добру и свободе сквозь панцирь средневекового зла. А.Алимжанов в очерке «Трон Рудаки» и М.Симашко в повести «Искушение Фраги» рассказывают о справедливости времени, которое уничтожает деспотов и увековечивает память о великих поэтах, потому что деспоты убивают человеческую личность, а поэты прославляют ее. Великий Рудаки и протестующий Махтум-кули, проклиная жестокие средневековые условности, с мудрым достоинством защищают «неправильное» — человеческую любовь. Шах приказал ослепить Рудаки, Махтум-кули был изгнан из родного города. Их трагедия — свидетельство извечного стремления человека к добру и справедливости, поэтому о них будут помнить всегда» [2; 58].

Вполне логично, что в этих произведениях образ поэта занимает главное место. Слово поэта всесильно, и оно несет гуманизм. Наиболее ярко пишет об этом А.Алимжанов: «Глумление над талантами не проходит даром даже для сильных мира, для владык. И если живописцы, поэты придут в столкновение с властью, то, о горе! Власть владыки ослабнет в народе. Ибо степень близости владыки к народу определяется степенью его близости к лучшим его поэтам, кумирам народа. Слова разгневанного поэта и кисть художника, жаждущего мести, страшнее меча срезают устои царя. Слово поэта всесильно».

Историческая романистика, обращаясь к темам прошлого, пытается ответить на жгучие вопросы современности. В прошлом писатели ищут параллели с днем сегодняшним, прошлое помогает разобраться в действительности. Тему исторических цивилизаций и культур Востока в контексте идей евразийства разрабатывал русский писатель Казахстана М.Симашко [4; 231]. Путешествуя со своими друзьями по Центральной Азии, так много давшей для его исторической прозы (темы, сюжеты, мифы, предания, легенды и т.д.), М.Симашко описывает древний Мерв, называвшийся в разные исторические эпохи то Маргиана — Александрия, то Маргиана — Антиохия. Из окна вагона виднелись сыпучие барханы величиной с десятиэтажный дом, которые порой обнажали «вытянувшиеся цепочкой верблюжьи и человеческие кости, бронзовую посуду и кипы слипшегося вещества, бывшего некогда шелком. Здесь же находили греческие вазы с рассказами об осаде Трои, китайские секстанты, арабские астролябии, золотые фигурки Будды, иудейские мезузы, несторианские кресты, шахматные доски и просто косточки — альчики для детской игры» [4; 38]. «Шах городов» — древний Мерв «стоит» на серой, с невнятными очертаниями холмов равнине, утопающей в волнах сухого горячего моря.

«Невообразимый, кричащий» покой начинает беспокоить путешественника. Два эпитета, подобранные автором для описания тишины пустыни, настраивают на что-то противоречивое обычной человеческой логике. Покой не может быть кричащим, он не издает ни звука. Тот же прием — совмещение противоречивых, взаимоисключающих понятий — встречается в поэзии О.Сулейменова:

*Степь — горы без вершин и без ущелий,
Ни гром, ни молния
Не встали и не сели.
Спокойный ужас солнца
И орлы.*

Ужас не может быть спокойным, он подразумевает реакцию. Далее у М.Симашко детальное описание пейзажа, сама медлительность описания начинает работать на ускорение «внутреннего» времени, времени переживания, поскольку все острее и яснее становится: надвигается что-то зловещее.

«Покой, тишина — ключевые слова в цитируемом отрывке. Повествование ведется от третьего лица, автор превращается в стороннего наблюдателя» [5; 239]. Повествование неторопливо: «Он выходит из машины, приглядывается к срезу холма, отделяет ломкий, будто из пересохшей бумаги слой. И вдруг понимает, что у него в руке часть человеческого скелета: ребро с позвоночником или голень, сделавшиеся совсем невесомыми, но сохранившие в сухом каракумском песке свою форму. Весь этот холм и другие вокруг состоят из человеческого праха. Одни представляют собой сложенные друг на друга скелеты, другие выстроены из одних только черепов. Это все, что осталось от огромного города, раскинувшегося на многие десятки километров и восхищавшего путников своими дворцами, садами, караван-сараями, банями, библиотеками, богатством и приветливостью жителей» [4; 40]. Так, история переплетается с современностью. «Человечество бредет в своей истории по колёно в крови...», — приходит к выводу М.Симашко. Только красота вечна и неподвластна времени: «...и все парил там, не приближаясь и не отдаляясь, купольный прямоугольник мавзолея султана Санджара, последнего из Больших Сельджуков».

Шелковый путь, таким образом, — своеобразный путь через века и цивилизации. Создатель империи Сельджуков — великий вазир Низам аль-Мульк ат-Туси за полтысячи лет до Макиавелли написал «Сиясет-наме» — книгу об управлении государством. Мост через древний Оксус, построенный в начале века в Мерве, был вторым по величине в мире в то время. Благодаря своим поистине энциклопедическим знаниям и умению воплощать эти знания в историческое повествование, М.Симашко создает не просто жанр путешествий. Его повествование философско-насыщенное, богатое параллелями, сравнениями разных исторических эпох. Знание не делится по расовому признаку, не имеет национальности, оно общечеловечно. Империи старели и рушились под собственной тяжестью, на смену им являлись другие. Точки зрения на исторические процессы у А.Алимжанова и М.Симашко во многом схожи.

Список литературы

- 1 *Исмакова А.С.* Казахская художественная проза. Поэтика, жанр, стиль. — Алматы: Ғылым, 1998. — 394 с.
- 2 *Ровенский Н.* История учит оптимизму // Ровенский Н. Назначить себе высоту. Литературные портреты, статьи, размышления. — Алма-Ата: Жазушы, 1973. — С. 52–59.
- 3 *Нурғали К.Р.* Концепция человека и истории в прозе. — Астана, 2004. — 283 с.

4 Симашко М. Великий Шелковый путь, или Анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую землю. — Алматы: Изд. дом «Жибек жолы», 1996. — С. 5–58.

5 Ананьева С. Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX — первое десятилетие XXI века. — Алматы: ИД «Жибек жолы», 2010. — 356 с.

К.Н.Нұрғали

XX ғасыр қазақстандық прозасындағы жол мотиві

Мақалада Қазақстанның тарихи романдары қарастырылады. Жазушылар өткен тарихты жаза отырып, қазіргі заманның өзекті мәселелеріне жауап береді. Шығыстың тарихи өркениеті мен мәдениетін М.Симашко мен Ә.Әлімжановтар еуразиялық идея сабақтастығында қарастырған. Жол және отан мотиві жазушылардың шығармашылығында ерекше орын алады.

In article the historical Romance philology of Kazakhstan is considered. Writers address to past subjects, пытаеясь to answer urgent problems of the present. A subject of historical civilizations and cultures of the East in a context of ideas of an evraziystvo developed M.Simashko and And Alimzhanov. The motive of the road and motive of the homeland take the central place in creativity of writers.